

ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ

МОЕ ЗНАКОМСТВО С
БУЛЬДОГАМИ (СБОРНИК)

Джером Джером

**Мое знакомство с
бульдогами (сборник)**

«Public Domain»

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

Джером Д. К.

Мое знакомство с бульдогами (сборник) / Д. К. Джером —
«Public Domain»,

ISBN 978-5-699-89856-5

На родине его называли «бестактным пошляком», а «Трое в лодке, не считая собаки» – «шедевром вагонной литературы». Но читатели восторженно приняли прозу Джерома К. Джерома, блестящего рассказчика с искрометным чувством юмора.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-89856-5

© Джером Д. К.
© Public Domain

Содержание

О суете и тщеславии	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Джером К. Джером

Мое знакомство с бульдогами

© Колпакчи М., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

В оформлении обложки использованы репродукция картины «Мопс в кресле» (1857) художника Альфреда де Дрё (1810–1860) и иллюстрации: Yayayoyo / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com; WilleeCole, derGriza / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

О суете и тщеславии

Все суета, все люди суетны и тщеславны. Ужасно тщеславны женщины. Мужчины – тоже, даже больше, если это возможно. Тщеславны и дети. Да, да, дети особенно тщеславны.

В эту самую минуту одна маленькая девочка из всех сил колотит меня по ногам. Она хочет знать мое мнение о ее новых туфельках. Говоря чистосердечно, я от них не в восторге. Им недостает симметрии, изящества, они на редкость неуклюжи (кроме того, мне кажется, что на правую ножку ей надели левую туфельку и наоборот).

Но обо всем этом я умалчиваю. Она ждет от меня не критики, а лести, и вот я начинаю расхваливать ее обновку с прямо-таки унижительным многословием. Иначе этот избалованный ангелочек не успокоится.

Однажды я попробовал поговорить с ней искренно, напрямик, но попытка кончилась провалом. Ее заинтересовало, что я вообще думаю о ней и о ее поведении. Вопрос был поставлен следующим образом:

– Я холосая девочка, дядя? Ты меня любишь?

Я счел это подходящим случаем, чтобы сделать несколько назидательных замечаний по поводу ее нравственных достижений последнего времени, и сказал, что я ею недоволен. Я напомнил ей события, которые произошли не далее как этим утром, и предоставил ей самой решить, может ли мне, доброму, но рассудительному дяде, нравиться девочка, которая в пять часов подняла на ноги весь дом, в семь часов опрокинула кувшин с водой и сама покатила следом за ним по лестнице, в восемь часов сунула кошку в ванну, а в девять часов тридцать пять минут уселась на шляпу своего родного отца.

Как, по-вашему, она ответила мне? Поблагодарила меня за откровенность? Задумалась над моими словами, решив отныне запечатлеть их в своем сердце и вести более достойный и благородный образ жизни?

Ничего подобного, – она разревелась.

Более того, она перешла в наступление:

– Злой дядя, бяка, гадкий! Скажу на тебя маме!

И она в самом деле пожаловалась своей маме.

С тех пор, когда она интересуется моим мнением, я не выдаю своих истинных чувств, предпочитая выражать безграничное восхищение всеми поступками этой молодой особы, какой бы оценки они ни заслуживали. Тогда она одобрительно кивает головой и семенит прочь, чтобы похвастать моим отзывом о ней перед всеми остальными членами семьи.

По-видимому, этот отзыв служит ей юридическим основанием для корыстных притязаний; по крайней мере, до меня неоднократно доносились заявления вроде:

– Дядя сказал, я холосая девочка, мне надо два пенья.

И вот она расхаживает, восторженно разглядывая носки своих туфель и бормоча, что они «холосенькие». Посмотрите на нее – всего два фута и десять дюймов, а сколько в ней тщеславия и чванства, не говоря об остальных недостатках!

Все дети на один лад. Помню, как однажды, в солнечный день, я сидел в лондонском пригороде, в садике возле дома. Вдруг откуда-то сверху, из соседнего дома, до меня донесся пронзительный, пискливый голосок. Обращаясь к какому-то невидимому существу, находившемуся где-то поблизости, голосок утверждал:

– Бабушка, смотри, какой я хорошенький! Я надел штаны Боба, слышишь, бабушка!

Да что люди! Животные – и те тщеславны. На днях я видел большого ньюфаундлендского пса. Он сидел перед зеркалом у входа в магазин на Риджент-сэркус и разглядывал себя с таким блаженным самодовольством, какое мне случалось наблюдать только на собраниях приходского совета.

Однажды я присутствовал на сельском празднике. Не помню, по какому случаю происходило это торжество. Был не то праздник весны, не то день уплаты земельной ренты. Всюду пестрели цветы, и даже голову одной из коров украсили пышным венком. Нелепое четвероногое целый день разгуливало с необычайно важным видом, будто школьница, нарядившаяся в новое платье. А когда венок сняли, у коровы испортилось настроение, и, чтобы она успокоилась и позволила себя доить, пришлось его снова надеть ей на рога. Это не анекдот, а достоверный факт.

Что касается кошек, то тщеславия у них почти столько же, сколько у любого представителя рода человеческого. Я знал кошку, которая при первом же язвительном замечании по адресу ее родичей подымалась с места и с оскорбленным видом покидала комнату. Зато после цепкого комплимента всякая кошка способна мурлыкать от удовольствия чуть не целый час.

Я большой любитель кошек. Они уморительны, сами того не сознавая. Как забавно выражается в них чувство собственного достоинства. Всем своим видом они как будто говорят: «Как вы смее! Отойдите! Не прикасайтесь ко мне!»

Вот собаки, те ничуть не надменны. Каждого встречного и поперечного приветствуют они запанибрата: «Здорово, дружище! Рад тебя видеть!»

Когда я встречаю знакомого пса, я хлопаю его по голове, наделяю разными малоприятными прозвищами, опрокидываю на спину, и вот он лежит, широко раскрыв пасть, и вовсе не думает сердиться.

Но попробуйте так обращаться с кошкой! Да после этого она и словом не перемолвится с вами до конца вашей жизни! Нет, если вы хотите заручиться расположением какой-нибудь кошечки, извольте помнить, с кем вы имеете дело, и ведите себя осмотрительно. Если вы с ней встречаетесь впервые, то советую вам прежде всего сказать: «Бедная кисонька». А потом полезно добавить: «Кто тебя обидел?» И чтобы в тоне слышались ласка и сочувствие. Пусть даже вы сами понятия не имеете, обидел ее кто-нибудь или нет, но если ваши слова прозвучат достаточно искренно, она может проникнуться к вам доверием. А если к тому же у вас хорошие манеры и сносная наружность, она, выгнув дугой спинку, начнет тереться о вас мордочкой. При подобных обстоятельствах вы можете осмелиться почесать ей шейку или пощекотать за ухом, и тогда в знак особой дружбы и любви это чуткое существо запустит вам когти в руку или ногу.

Точь-в-точь как в детском стишке:

Не трогаю хвостик у кошки моей;
Боюсь ее крепких и острых когтей;
Но если ее повкусней накормлю,
Без страха ласкаю я кошку мою.

Последние две строчки дают нам довольно точное представление о том, как кошки понимают человеческую доброту. Совершенно очевидно, что, по мнению кошки, добрый человек должен ласкать ее, гладить и получше кормить. Боюсь только, что столь узкая мерка для определения добродетели свойственна не одним кошкам. Все мы склонны руководствоваться этой же меркой, определяя достоинства и недостатки ближних. Хорош тот, кто хорошо относится к нам, и плох тот, кто не делает для нас всего, что нам хочется. Воистину, каждому из нас присуще убеждение, будто все мироздание, со всем, что в нем обретается, создано лишь как необходимый привесок к нам самим. Окружающие нас мужчины и женщины рождены на свет только для того, чтобы восторгаться нами и откликаться на наши разнообразные требования и нужды.

И вы, дорогой читатель, и я – мы оба являемся в собственных глазах центром вселенной. Вы, как я себе представляю, были созданы предусмотрительным Провидением, чтобы обеспечить меня читателями, между тем как я – с вашей точки зрения – являюсь предметом, послан-

ным в мир с единственной целью сочинять книги, которые вы могли бы читать. Звезды – так мы называем мириады других миров, несущихся мимо нас в вечном безмолвии, – существуют лишь для того, чтобы небо по ночам казалось нам более таинственным. А грустная и загадочная луна, постоянно прячущая свое чело в облака, является всего-навсего поэтической декорацией для любовных сцен.

Боюсь, что большинство из нас рассуждает, как бентамский петух миссис Пойзер, который воображал, что солнце всходит каждое утро единственно для того, чтобы послушать, как он кукарекает. «Тщеславие вращает шар земной». Я не верю, чтобы со дня Сотворения мира существовал человек, лишенный тщеславия, а если бы такой где-нибудь и нашелся, – каким бы он был неуютным членом общества! Он был бы, конечно, очень хорошим человеком, заслуживающим всяческого уважения. Он был бы удивительным человеком, достойным стоять под стеклянным колпаком для всеобщего обозрения или на пьедестале как образец для всеобщего подражания. Одним словом, он был бы человеком, перед которым все благоговеет, но отнюдь не таким, которого любят, как родного брата, и – чью руку хочется сердечно пожать.

Ангелы – в своем роде превосходные существа, но мы, бедные смертные, таковы, что их общество показалось бы нам невыносимо скучным. Просто хорошие люди и то действуют несколько угнетающе на всех окружающих. Ведь именно в наших промахах и недостатках, а не в наших добродетелях мы находим точки сближения и источники взаимопонимания. Значительно отличаясь один от другого присущими нам положительными качествами, мы как две капли воды похожи друг на друга своими теневыми сторонами. Некоторые из нас благочестивы, другие щедры. Некоторые относительно честны, и совсем немногие могут быть условно названы правдивыми. Но что касается тщеславия и тому подобных человеческих слабостей, то все мы вылеплены из одного теста.

Тщеславие – вот дарованная природой черта, которая роднит весь мир. Охотник-индеец гордится поясом, увешанным скальпами, а европейский генерал пыжится от спеси, выставляя напоказ свои звезды и медали. Китаец любовно отращивает косичку, а светская кокетка ценой невыносимых мучений затягивает талию в рюмочку. Маленькая замарашка Полли Стиггинс с важностью прохаживается по Севен-дайэлсу с рваным зонтиком над головой, а княгиня скользит по гостинной, волоча за собой шлейф в четыре ярда. Какой-нибудь Арри из Ист-Энда радуется, когда своими грубыми прибаутками заставляет приятелей надрывать животики от смеха, а государственный деятель наслаждается возгласами одобрения, которые раздаются после его возвышенных тирад. Чернокожий африканец меняет драгоценные пахучие масла и слоновую кость на стеклянные бусы, а девушка-христианка продает себя, свое белоснежное тело за десяток блестящих камушков и никчемный титул, который она присоединяет к своей фамилии. Все, все они двигаются, сражаются, истекают кровью и умирают под мишурным знаменем тщеславия.

Как это ни печально, но тщеславие – вот истинная сила, движущая колесницу человечества, и не что иное, как лесть, смазывает бегущие колеса.

Если вы хотите завоевать любовь и уважение в этом мире – льстите людям. Льстите высшим и низшим, богатым и бедным, глупым и умным, и тогда у вас все пойдет как по маслу. Хвалите у одного человека добродетели, у другого – пороки. Восхваляйте каждого за все качества, какие у него есть, но в особенности за те, которых у него нет и в помине. Восторгайтесь красотой уроды, остроумием дурака, воспитанностью грубияна, и вас будут превозносить до небес за светлый ум и тонкий вкус.

Лестью можно покорить всех без исключения. Даже препоясанный граф... – кажется, есть такое звание «препоясанный граф». Я не совсем понимаю, что оно обозначает, если только оно не относится к графу, который вместо подтяжек носит пояс. Так делают некоторые мужчины, но мне лично это не нравится, потому что пояс только тогда имеет смысл, когда он туго затянут, а это не очень приятно.

Во всяком случае, кто бы он ни был, этот «препоясанный граф», я утверждаю, что и его можно приручить лестью, точно так же, как любого человека, от герцогини до продавца мясных обрезков, от пахаря до поэта. При этом поэта подкупить лестью, пожалуй, даже легче, чем крестьянина: ведь масло лучше впитывается в городской пшеничный хлеб, чем в овсяную лепешку.

Что касается любви, то без лести она просто немыслима. Бесперывно накачивайте человека самообожанием, и то, что перельется через край, достанется на вашу долю, – утверждает один остроумный и наблюдательный французский писатель, имени которого я, хоть убейте, не могу вспомнить. (Проклятье! именно когда мне нужно вспомнить какое-нибудь имя, оно никогда не приходит на память!)

Скажите любимой девушке, что она – настоящий ангел, более настоящий, чем любой ангел в раю; что она – богиня, но только более изящная, величественная и божественная, чем обыкновенная богиня; что она больше напоминает фею, чем сама Титания, что она красивее Венеры, обольстительнее Парфенопеи, короче говоря, более достойна любви, более привлекательна и блистательна, чем любая другая женщина, которая когда-либо жила, живет или будет жить на этом свете, – и этим вы произведете самое благоприятное впечатление на ее доверчивое сердечко. Милая, наивная девушка! Она поверит каждому вашему слову. Нет ничего легче, чем обмануть женщину... этим путем.

Нежные, скромные души, они ненавидят лести – так они заявляют вам, а вы должны ответить: «Ах, сокровище мое, разве я стал бы тебе льстить? Ведь по отношению к тебе это очевидная и неприкрашенная истина. Ты в самом деле и без всякого преувеличения самое прекрасное, самое доброе, самое очаровательное, самое божественное, самое совершенное существо, которое когда-либо ступало по нашей грешной Земле». И тогда каждая из них одобрительно улыбнется, прильнет к вашему мужественному плечу и пролепечет, что вы, в общем, славный малый.

Теперь представьте себе человека, который, объясняясь в любви, принципиально ни на шаг не отступает от правды, не говорит ни одного комплимента, не позволяет себе никакого преувеличения и щепетильно придерживается фактов. Представьте себе, что он восхищенно смотрит в глаза своей возлюбленной и тихо шепчет ей, что она далеко не безобразна, не хуже многих других девушек. Представьте себе дальше, как он, разглядывая ее маленькую ручку, приговаривает, что она какого-то буроватого цвета и покрыта красными жилками. Прижимая девушку к своему сердцу, он объясняет ей, что носик у нее хотя и пуговкой, но симпатичный, и что ее глаза – насколько он может судить – кажутся ему соответствующими среднему стандарту, установленному для органов зрения.

Может ли подобный поклонник выдержать сравнение с человеком, который скажет той же девушке, что лицо ее подобно только что распутившейся пунцовой розе, что волосы ее сотканы из залетного солнечного луча, что он пленен ее улыбкой и что глаза ее – две вечерних звезды.

Есть много разных способов льстить, и, конечно, надо умеючи пользоваться ими, в зависимости от лица, с которым вы имеете дело. Встречаются люди, которые любят, чтобы им льстили грубо, напрямик, – это не требует большого искусства. С умными людьми, наоборот, надо соблюдать деликатность и обходиться намеками, не произнося льстивых слов. Многим нравится лести, поданная как оскорбление, например: «Послушай, нельзя же быть таким непроходимым дураком. Ведь ты способен отдать последние шесть пенсов любому голодному нищему!»

Некоторые проглатывают лести, только если она преподносится им через третье лицо. Если, например, В. желает подъехать путем лести к А., он должен сообщить по секрету Б., близкому другу А., что он, В., считает А. светлой личностью, но только пусть Б., бога ради,

не проговорится об этом никому, а в особенности А. При этом надо очень тщательно выбрать этого Б., а то он еще вздумает вообще не передать А. то, что требуется.

Очень легко водить за нос наших хваленых стойких Джонов Булей, которые постоянно твердят: «Я ненавижу лести, сэр» или «*меня* лестью никто не проведет» – и так далее и тому подобное. Лстите им без удержу, уверяя, что они совершенно лишены тщеславия, и вы сможете сделать с ними все что захотите.

И все-таки тщеславие – в такой же степени добродетель, как и порок. Нет ничего легче, чем повторять азбучные истины о греховности тщеславия, но нельзя забывать, что это страсть, которая может увлечь нас не только к дурной, но и к хорошей цели. Всякое честолюбие – не что иное, как облагороженное тщеславие. Нам хочется снискать похвалу и восхищение, – как мы говорим – славу, и вот мы пишем умные книги, рисуем красивые картины, поем трогательные песни и вдохновенно работаем за письменным столом, у станка или в лаборатории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.